

Игорь Журавлев

И БЫЛ ИМ СОН...

18+

Игорь Журавлев

И был им сон...

«Автор»

2021

Журавлев И.

И был им сон... / И. Журавлев — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-94412-1

Безумно романтическая история первой школьной любви. Изюминка же в том, что главный герой в 1979 году как бы из будущего вспоминает о том, как все было в этой его любовной истории "в прошлый раз", о своих ошибках, провалах, потерях - и пытается все исправить в "этом настоящем". Кто из нас не хотел вернуться в прошлое и что-то исправить?

ISBN 978-5-532-94412-1

© Журавлев И., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Игорь Журавлев

И был им сон...

*Я не уверен, надо ли вам это знать, но я уверен, что должен это рассказать.
Стивен Кинг «Колдун и кристалл»*

Пролог

Ольга Станиславовна, усевшись в мягкое кресло, листала альбом со старыми фотографиями. Она всегда, когда сильно уставала, доставала его, зная уже по опыту, что рассматривание старых фотоснимков непременно отвлечет ее и успокоит, а тяжесть в гудящих ногах уйдет вместе с накопленной за день усталостью. Дочь, которая сейчас ходила по комнате у нее за спиной, укачивая на руках не желавшего засыпать внука, иногда, смеясь, называла эти ее бдения над старым альбомом «сеансами аутотренинга». Смех смехом, но эти свидания с прошлым и правда помогали ей лучше всякого «Афобазола», так усердно рекламируемого по телевизору.

Она вглядывалась в пожелтевшие школьные фотографии, и прожитые годы словно падали с ее плеч. Вот лучшая подруга детства и юности Ленка Герасимова – вечная заводила в их компании. Ленка, а вернее, давно уже Елена Владимировна, по третьему мужу-американцу – Хилл, живет сейчас где-то на востоке США. Иногда они еще созваниваются, но с каждым годом все реже. Последний раз она, кажется, года два назад звонила.

Вот еще одна подружка, Лариса, третья в их дружной школьной компании. «Царствие тебе Небесное», – прошептала Ольга, глядя на фото веселой подружки и крестясь, – та умерла совсем молодой. Она первой из них выскочила замуж за парня на несколько лет старше, и почти через год он убил ее, вернувшись как-то домой пьяным и приревновав, как потом выяснилось, совершенно безосновательно. Обычная бытовуха, как сказал бы тоже уже три года как покойный муж Ольги, всю жизнь прослуживший опером в райотделе сначала милиции, а потом и полиции: несколько ударов кухонным ножом – и подружка детства Лариса навсегда осталась двадцатилетней.

Вот они все втроем – такие молодые и смешные, но считающие себя очень взрослыми. Здесь им по семнадцать, и какие же они красивые! Конечно, ведь это был их выпускной вечер. Ольга Станиславовна засмотрелась на фотографию, вспоминая о том, как ей шили платье в ателье, как они ездили с мамой и отчимом в Москву за модными туфлями, и не заметила, как из альбома вылетел другой снимок, спланировав прямо под ноги дочери.

Та, стараясь не потревожить только что засопевшего сына, тихонько присела на корточки и подняла фотографию.

– Мама, – шепотом спросила она, – а с кем это ты здесь?

Ольга взяла протянутый ей старый снимок и всмотрелась в него. Сколько же прошло с тех пор, кажется, лет сорок? На снимке она стояла в обнимку с Егором. Оба улыбались, глядя в объектив, будто спрашивая у нее сегодняшней: «Ну как ты там, в будущем?». Ольга Станиславовна улыбнулась им в ответ, глаза ее засветились, и она словно провалилась в то далекое лето. Даже показалось, что ощутила нежное касание его руки на своей талии.

– Его звали Егор, – ответила она дочери, – Егор Соколов.

– Ты любила его, мама, да?

– С чего ты взяла?

– Я же вижу, какая ты счастливая на этой фотографии.

Ольга улыбнулась и, протянув руку, погладила склонившуюся над фотографией дочь по спине.

– От тебя ничего не скроешь! Да и зачем? Это была моя первая и самая большая в жизни любовь. Я просто с ума по нему сходила.

– Ничего так, симпатичный, – оценила дочь. – Почему тогда не поженились?

– Долго рассказывать, – вздохнула мать, – а в жизни не всегда все просто. К тому же, – она хитро подмигнула, – поженись мы с ним тогда, и тебя бы на свете не было.

– А как же папа?

– Твоего папу я тоже любила. Но это было уже иначе, совсем другая история.

Она аккуратно вложила фото в альбом и закрыла обложку.

– Давай я уложу внука, а ты иди, мойся и тоже ложись.

Через полчаса все уже спали, кроме Ольги. Она еще долго ворочалась, фотография с Егором разбредила воспоминания юности, и они никак не давали ей уснуть. Только уже ближе к утру удалось, наконец, задремать.

И был ей сон.

Глава 1

Декабрь 1978 года

– Это ты Егор Соколов?

Егор, не спеша шагавший к кабинету физики и остановленный посередине широкого школьного коридора, удивленно поднял голову и, поправив на плече ремень от сумки, на автомате ответил:

– Да, а что?

Перед ним стояли три десятиклассницы, с его, восьмиклассника, точки зрения, уже совсем взрослые девушки. Он их видел и раньше, они всегда втроем ходят. Две ничего так, красивые, третья – не то чтобы дурнушка, вовсе нет, но совсем не в его вкусе. А на вкус и цвет, как известно, товарищей нет. Он часто замечал такое, когда где-то по телевизору, например, говорили о некой актрисе, что это просто эталон женской красоты, а он смотрел на нее и понимал, что она ему вообще как женщина не нравится. Или когда пацаны обсуждают какую-то красивую, с их точки зрения, девчонку, а он опять же не видит в ней ничего особенного, если бы был один – прошел бы мимо и внимания не обратил. Вот и здесь такая же точно история: третья подруга была вовсе не уродиной, но и красивой Егор ее никогда бы не назвал. Хотя кто-то наверняка был бы в полной уверенности, что это именно она и есть единственная красотка среди стоящей перед ним и рассматривающей его с интересом тройцы подруг.

Та, что пониже (прищуренные подведенные глаза, наморщенный носик, подернутые в усмешке уголки губ), несмотря на то, что вместе с каблуками и взбитыми на макушке волосами ростом была Егору чуть выше плеча, как-то умудрялась смотреть на него сверху вниз. Это она остановила его, кивнула на свою подругу и вызывающе объявила, словно снисходя до него со своих заоблачных высот и одаривая редким орденом:

– Это Ольга, ты ей нравишься, понял?

И опять с этой плохо скрываемой насмешкой, прищурившись, уставилась на него, ожидая реакции. Наглая как танк, за словом в карман не полезет, сразу видно. Но сама ничего так, ничего... Стоп! Она что-то ему сказала?

– Э-э-э-э... – протянул Егор, восстанавливая в памяти ее слова, тут же удивился им и не сообразил, что на них ответить, настолько это все случилось неожиданно. Он взглянул на ту, о которой ему только что сказали, что он ей нравится, и...

Скажите, вы верите в любовь с первого взгляда? Конечно, все верят, хотя что это такое и как должно происходить, никто толком не понимает. Вот взглянули вы, допустим, на кого-то впервые, и она вам понравилась. Даже скажем – очень понравилась. Это уже любовь или просто гормоны заволновались, и через час (день, месяц) все пройдет? Не знаете? Вот и автор не знает. Но чтобы дальше у читателей не возникало никаких сомнений, скажу сразу: у Егора как раз оно и случилось. Любовь с первого взгляда, в смысле. Классическая, все как положено согласно жанру.

И опять же, согласно этому самому жанру, все слова куда-то сразу пропали, едва он посмотрел на представленную ему Ольгу. Это при том, что хотя Егор и не был записным балаболом, но вообще-то за словом в карман, как говорится, никогда не лез. Но здесь он сразу понял, что как раз вот эта Ольга, по его же внутренней шкале женской красоты, самая красивая из трех девушек, стоящих перед ним. Очень красивая. Может быть, даже вообще самая красивая в мире – пришла вдруг в голову неожиданная и пугающая мысль. И тут же кто-то внутри него его же и поправил: бери, типа, выше – не в мире, а во Вселенной! Просто цирк какой-то, блин...

«Это что со мной сейчас, – мельком подумал Егор, – это кто меня поправил?» «Ты сам и поправил, – ответили изнутри, – кто же еще?» Егор удивился, но ввязываться во внутреннюю

полемику не стал. Потом разберемся. Вместо этого он искоса, но очень внимательно осмотрел Ольгу, опять же словно сравнивая ее со своим внутренним идеалом. Все сходилось так, словно идеал тот с нее и писался. «Это судьба», – опять проявился внутренний самоуверенный тип.

Ольга была немного выше своей подруги, но все же, конечно, гораздо ниже Егоровых 186 сантиметров. Волосы черные, немного выющиеся (накрутила или все же настоящие?). Ноги не то чтобы от шеи, чуть пониже будут, но совсем не намного и опять же – очень даже ничего, что коротенькое школьное платьице позволяло оценить наглядно. Грудь... грудь была – и это все, что он смог определить. И даже не так чтобы совсем маленькая. В размерах он, конечно, не разбирался, да и никогда пышность груди на первое место не ставил, в отличие от многих своих друзей и одноклассников. Главное, чтобы она была, всегда считал он, а в данном случае она была однозначно, глаз ласкала и сердце волновала. Лицо... ох, тут Егор терялся в определениях, и если бы ему велели составить фоторобот, запутался бы в самом начале, твердя лишь два слова: «очень красивая».

Заранее скажем, что впоследствии из всех его знакомых, оценивавших женские прелести новой подруги Егора, красоту ее лица не оспорил никто. К груди, кстати, тоже особых претензий не было ни от кого, кроме совсем уж фанатов огромных размеров. Про ноги некоторые пытались что-то вякать, но – так, без энтузиазма. Вроде как – ну надо же хоть к чему-то придраться? Впрочем, стоит отдать ему должное, Егор на чужие оценки своих подруг внимания вообще никогда не обращал, считая в этом деле лишь самого себя единственным разумным и объективным критиком. Кому-то это может показаться завышенной самооценкой, ну и пусть.

«Хорошо, что она, а не другая», – отстраненно подумал он, все еще мучительно подыскивая слова для ответа и не находя ни одного подходящего в данной совершенно неожиданной ситуации. В голову лезла либо какая-то приклатненная чушь, либо непонятно откуда прущие слова высокой поэзии. Поэтому он еще раз повторил: «Э-э-э-э» – и окончательно замолчал, словно растратив до доньшка весь свой словарный запас.

А между тем все три девушки продолжали смотреть на него в упор, с нескрываемым интересом ожидая его реакции. Та, что с ним разговаривала, – все так же надменно и по-прежнему немного щуря глаза. Так обычно делают люди с не очень хорошим зрением, но не носящие очки. Другая – та, что на вкус Егора «не очень», глядела с удивлением, словно и для нее самой только что произнесенные подругой слова стали полной неожиданностью, что, кстати, было похоже на правду. А вот та, которую звали Ольгой, смотрела явно с вызовом, но скорее больше от смущения или даже какого-то отчаяния. Оно проскальзывало хотя бы в том, как она сжала зубы – так, что даже скулы немного покраснели. Интересно, почему? Чтобы зубы от страха не стучали или чтобы не засмеяться?

Пауза затянулась, и тут, спасая для откровенно затупившего Егора столь пикантную ситуацию, прозвенел звонок. Тогда первая, видимо, сообразив, что толку ни от кого сейчас не добиться, произнесла внушительным тоном, строго глядя Егору в глаза:

– Она тебе напишет записку. Жди!

И словно будучи не до конца уверенной в том, что Егор не полный debil и сказанное до него дошло, добавила:

– Ты понял меня или нет?

На что Егор кивнул и, сглотнув комок в горле, выдавил:

– Да, – и, сказав слово, уже смелее добавил: – Я понял.

Сказал-то этой, а глаза не мог оторвать от другой, той, которая Ольга. Бойкая девица удовлетворенно, хоть и с долей сомнения, кивнула, и подруги, развернувшись, направились на урок, оставив ошеломленного восьмиклассника посреди пустующего коридора. Отойдя на несколько шагов, они, оглянувшись на него, дружно засмеялись, от чего Егор совсем смутился и даже немного покраснел.

– Соколов, тебе особое приглашение нужно?

Строгий голос учительницы физики, в котором, однако, можно было услышать и некоторые насмешливые нотки (тоже женщина, и наверняка все видела), вырвал его из оцепенения, и он поплелся за ней в класс. Там, бухнувшись за последнюю парту, отмахнулся от Кузьмы (он же – Вовка Кузьмин, одноклассник и самый близкий друг), сразу что-то с энтузиазмом, жарко зашептавшего ему на ухо, и глубоко задумался.

Подумать было о чем. Кем-кем, а дураком Егор себя не считал (а кто сам себя таким считает?), да, в общем, и не был им. Даже в свои пятнадцать лет он хорошо понимал, что так вообще-то не бывает. Случается ровно наоборот. В смысле, он знал, что иногда старшеклассники гуляют с девочками на класс или даже на два младше. Не так часто, но и исключением такую вероятность не назовешь. Как ему, пятнадцатилетнему, тринадцатилетние девочки кажутся малявками, так же и для семнадцатилетней(!) десятиклассницы он должен выглядеть сопляком. Да что там говорить, так оно наверняка и было! А потому все это очень странно и похоже на какой-то розыгрыш, или, возможно, девочки о чем-то поспорили между собой. Такой вариант тоже исключать не стоит. Это даже больше похоже на правду, девки – они такие!

Например, Егор, как и многие другие школьники, постоянно оставлял на время перемены свою сумку на подоконнике возле кабинета, в котором будет следующий урок. И нередко случалось так, что после звонка сумки своей он на подоконнике не обнаруживал. В этом случае он, уже наученный опытом, шел прямо в кабинет завуча школы – строгой дородной женщины с хорошим чувством юмора и явными следами былой красоты – и просил вынести его сумку из женского туалета. То, что девочки нередко там его сумку прятали, завуч уже знала, и поэтому, привычно вздыхая и подтрунивая над Егором, шла его выручать. Или, если было совсем некогда, говорила, чтобы он попросил учительницу. Это потом уже Егор, наплевав на все правила, просто сам заходил в женский туалет после звонка и, не обращая внимания на девичьи визги, забирал свою сумку, которая обычно лежала в ближней к входной двери комнате (хорошо еще, не в той, где туалетные кабинки) на низеньком шкафчике трюмо в углу. Вот, скажите, зачем они, в смысле, девочки, это делали? Егор ответа не знал, но завучу, кажется, все было понятно. Тоже ведь женщина и понимает своих!

«Но будет очень, – здесь он подумал, возвращаясь мыслями к Ольге, и еще раз добавил, – очень жалко, если это обычный розыгрыш». Сердце Егора учащенно забило: а если все же не розыгрыш, вдруг он ей и правда нравится? Ну а почему, собственно, нет? Чудеса случаются, и, может быть, это как раз тот случай? И здесь, словно из тумана, в голове отчетливо всплыла его прошлая подруга – Надя, с которой он недавно расстался. Просто подошел и сказал, что ему нравится другая, и Надей он больше не гуляет. Что, если честно, было неправдой, на самом деле подруга ему просто надоела. В ответ услышал, конечно, что-то про козла, но дело-то не в этом! Егор даже хлопнул ладонью по парте, чем вызвал вопросительный взгляд учительницы и недоуменный – шарахнувшегося в сторону Кузьмы.

– Напугал, блин! – прошипел тот. – Ты чего?

Но Егор только досадливо отмахнулся. Он в это время мысленно ругал самого себя за тупость. Действительно, рассуждает тут, понимаешь, о разнице в возрасте, о том, что так не бывает, что старшеклассницы не гуляют с младшеклассниками, а то, что его прошлая подруга Надья была десятиклассницей, только не из их школы, забыл напрочь! И правда, дебил! Все мозги после сегодняшней встречи набекрень.

«Ладно, – примирительно сказал Егор сам себе, – был не прав. Вернее, почти прав, но не совсем. Скажем так: иногда, в его конкретном случае, подобные исключения происходят. И трем девицам, которые подошли к нему, наверняка об этом известно». Это немного успокоило Егора в том смысле, что, может, на перемене был и не розыгрыш, а самый что ни на есть подарок судьбы. Если уж одна десятиклассница в него втюрилась и до сих пор записками о

себе напоминает, то почему бы не втюриться и второй? Всем нам приятно думать о себе как об особенных людях, чем-то отличающихся от других людей. И Егор не был исключением.

Почему-то слово «втюрилась» применительно к Ольге Егору не понравилось, и он поморщился. Он уже очень хотел, чтобы она в него на самом деле влюбилась – по-настоящему, по-взрослому! И, наверное, поэтому подростковый сленг показался ему здесь совершенно неуместным. Но и слово «влюбилась» он пока произносить остерегался: не спугнуть бы! Не то чтобы он был суеверным, но, как говорится, на всякий пожарный!

Скажем сразу, что Егор, как и, наверное, большинство людей, особенно в столь юном возрасте, был о себе довольно высокого мнения. С его точки зрения, он был хорош: красивый, высокий, умный. Насчет последнего, ладно, еще можно поспорить. А вот то, что он высокий и красивый, – это достаточно объективно, первое – очевидно, а второе неоднократно подтверждено представительницами противоположного пола. Но, даже учитывая все это, не настолько он был самовлюбленным идиотом, чтобы думать, будто все девчонки спят и видят, как бы с ним замутить.

К своим пятнадцати годам Егор, как это ни странно, уже успел сформировать точку зрения по данному вопросу, и до сих пор опыт только подтверждал это его наблюдение. Он понял и принял как данность, что есть девушки, которым он нравится – он в их, так сказать, вкусе, и они на него постоянно западают. Но есть и такие, которые к нему совершенно равнодушны, словно его существование их вообще не колышет. А есть еще и третья категория, которым он почему-то всегда активно не по душе. И по закону подлости среди вторых, а особенно – третьих чаще всего попадаются те, которые очень привлекают его самого. Нравятся, но при этом совершенно ему недоступны, хоть ты наизнанку вывернись! А к нему, наоборот, то и дело липнут те, которые ему не нравятся. Жизнь несправедлива, правда? И вот сейчас, как ему только что объявили, он понравился девушке, красота которой сразила его наповал! Такое удивительное совпадение, что даже подозрительно. Вот он и опасается подвоха, которого, может, и нет вовсе.

Конечно, мама часто повторяет, что любовь зла, полюбишь и козла, но это их взрослые расклады. В его возрасте любовь пока еще являлась чувством бескорыстным. Да и что с него взять, какая выгода? Родители – обычные работяги, денег у него не водится, кроме тех двадцати копеек, что дает ему мама на завтраки в школьной столовой. «Хотя, стоп, – подумал Егор, – о чем это я вообще, какие деньги?» И тут же сам себе в ответ: «Как какие деньги, а вдруг она в ресторан захочет?»

Откровенно говоря, Егор в ресторане пока еще ни разу не был, обходясь со своими очередными подружками походами в кино и на танцы, а в основном вообще – традиционным для их возраста брожением по улицам города. Однако Егор обдумал этот вопрос со всех сторон и решил, что все обойдется, никто их в ресторан не пустит, разве что днем пообедать комплексным за рубль двадцать. А какое может быть свидание с комплексным обедом? Это даже не смешно.

– Тьфу ты! – досадливо шепнул он вслух собственным мыслям. Думает о какой-то ерунде. Причем здесь все это? Сейчас-то что делать?

Учительница кинула предупредительный, как выстрел, взгляд в его сторону, а Кузьма вновь возбудился и пробубнил заинтересованно:

– Ты чего, а?

– Отлезь! – отмахнулся Егор. – Не до тебя.

Кузьма обиженно засопел и отвернулся. Ничего, потом поговорим, надо будет с ним посоветоваться. Хотя, рассуждая логически, о чем с ним советовать, что он может понимать в таких делах?

Нет, так-то Вован, если разобраться, конечно, пацан нормальный, надежный, но с девчонками ему фатально не везет. Егор даже, жалея друга, не раз пытался ему сосватать кого-то, но, видимо, было в Кузьме что-то такое, ему невидимое, но для девчонок очевидное, что не

оставляло ему никаких шансов. Один-единственный раз подфартило Кузьме в прошлом году, когда староста класса Фомушкина предложила ему дружбу, и он даже ходил с ней на свидания, пока не выяснилось, что это она из чувства пионерского долга решила таким образом повлиять на отстающего и хулиганистого одноклассника.

Вовка в тот раз, помнится, только раз глянув на пионерскую грудь старосты, выдающуюся на фоне всех без исключения сверстниц и являющуюся предметом их тайной зависти, был сражен сразу и наповал. Счастье его, однако, продлилось недолго, планы эту грудь хотя бы потрогать быстро рухнули. Фомушкина с Вовкой вечерами гуляла, до дома провожать себя позволяла, разговоры разговаривала, помощь свою в усвоении учебного материала предлагала, но не то что до груди своей не допускала, она даже и поцелуев с Кузьмой, похоже, не планировала. Ну или рассчитывала на более длительный и упорный приступ со стороны ошалевшего поначалу Вована. Он же дураком не был, довольно быстро раскусил ее хитрые пионерские планы и, разочаровавшись до глубины души таким коварством, отношения с Фомушкиной прекратил, стал с видом опытного ловеласа рассказывать всем вокруг, что она ему, дескать, надоела – прилипла к нему, понимаешь, как банный лист! Народ слушал, кивал, но в основном в его версию не верил, зная его в этом плане совсем с другой стороны.

К сожалению, никакого другого опыта в любовных вопросах у Кузьмы не имелось, так и старел друг нецелованным. А поэтому и дельного совета в сложившейся ситуации дать не мог в силу собственной некомпетентности. Так что получалось, что Егору рассчитывать надо было лишь на себя самого. А в себе он почему-то сейчас был совсем не уверен – робел.

Не то чтобы сам Егор был сильно компетентным в любовных делах, но на фоне товарища он выглядел почти специалистом. Опыт нескольких «гуляний» с девчонками и связанных с ними свиданий, поцелуев, объятий и душевных записок солидно смотрелся за его плечами и заставлял остальных с уважением прислушиваться к его мнению по такому волнующему юные души вопросу.

Так что, в сухом остатке получалось, что посоветоваться Егору было не с кем, поскольку его достаточно скудный опыт в этом вопросе все же явно превышал познания практически любого из его знакомых. Ну если, конечно, не принимать всерьез их хвастливые рассказы о собственных похождениях, рожденные в основном подростковым воображением и частично почерпнутые из разных фильмов, книг, либо из таких же фантазий друзей.

Пока Егор рассуждал, прикидывал так и этак, прозвенел звонок. А на перемене проникающая важностью порученной ей миссии пятиклассница вручила ему записку от Ольги. Чуть подрагивающими пальцами он развернул четвертинку тетрадного листа в клеточку и прочитал выведенные красивым девичьим почерком слова: «У нас сегодня вечер будет в 6 часов. Приходи, если хочешь. О.».

Сердце отчаянно заколотилось, Егор дважды перечитал текст и, аккуратно сложив записку, задумчиво убрал ее в карман. Он знал, что сегодня у десятиклассников вечер, посвященный предстоящему Новому году, и там будет играть школьный вокально-инструментальный ансамбль. Объявление об этом висело на первом этаже. Вот только как он, восьмиклассник, будет чувствовать себя среди десятиклассников? С Надей, например, они только по улицам гуляли, иногда заходя к ней домой, когда родаков не было, чтобы нацеловаться всласть в тепле и уюте.

Однако мысли о том, чтобы игнорировать приглашение, у Егора даже не возникло. Но надо было кого-то взять с собой для храбрости. Пожалуй, как ни крути, лучше всего подойдет Кузьма, его самый преданный друг, поскольку остальные могут на такое дело и не подписаться.

Глава 2

Вопреки уверенности Егора Соколова, Оле Лаврентьевой семнадцать лет еще не исполнилось, хотя до дня рождения оставалось лишь несколько месяцев, поэтому она полагала себя человеком достаточно взрослым и вполне самостоятельным. А кто в этом возрасте думает о себе как о ребенке?

Однако случилось так, что Оля никогда ранее не слышала даже о таком странном и необъясненном серьезной наукой феномене: женщины иногда влюбляются в тех, кого жалеют. А выводами такой несерьезной науки, как психология, в СССР не заморачивались, и о людях с эмоциональной амплитудой зрительного вектора никто знать не знал¹. Потому особенности сложной и противоречивой женской природы Ольга пока еще только постигала по большей части исключительно опытным путем. Ни в школе, ни дома об этом ничего не говорили, не считая, конечно, беспардонного вмешательства в личную жизнь безобидных пестиков и тычинок на уроках ботаники. Видимо, взрослые разумно полагая, что, поскольку их (учительниц и мам) никто ничему такому в юности не учил, то нечего и ребенку голову всякой пошлой ерундой забивать. Придет время, сама все поймет и во всем разберется, так же, как они когда-то. Так оно, в общем, испокон веков и получалось, независимо от того, хорошо это или плохо, через набивание шишек физических и сердечных, то есть – чувственных.

Но кроме государственной средней школы № 1 имени В. И. Ленина, которую Оля уже заканчивала, была еще и другая – школа жизни, и уроками в ней служили собственные ошибки учащихся – всех без исключения представителей человечества. Из ошибок-то по умолчанию и предполагалось извлекать для себя такой необходимый в будущем жизненный опыт. Схема, в общем, классическая, давным-давно озвученная гением русской поэзии Александром Сергеевичем: «Опыт – сын ошибок трудных». Или, как образно выразился другой гений из Америки, «Кошка, однажды усевшаяся на горячую плиту, больше никогда не сядет на горячую плиту. И на холодную тоже»².

А случилось вот что. Случай, надо сказать, неординарный в Олиной жизни, в том смысле, что произошел сей казус, повлекший за собой цепочку неожиданных последствий, с ней впервые. Однажды дочка с мамой, которую она сопровождала по ее просьбе-указанию за какой-то надобностью (причина из Олиной головы вылетела напрочь) зашли к знакомой в районную больницу, где та работала медсестрой, и в приемном покое встретили еще одну мамину приятельницу, которая была с сыном, на вид – Олиным ровесником. Это только потом она узнала, что внешность оказалась обманчивой, мальчишка на самом деле был младше ее на целых два класса и почти на полтора года. Но было уже, как пел суперпопулярный тогда Владимир Высоцкий, поздно.

Из разговора взрослых выяснилось, что этот самый сын сейчас пришел со своей мамой для того, чтобы лечь в больницу, где ему будут делать операцию (аппендицит, кажется, или еще что-то – такие мелкие подробности в Олиной голове не задержались). Парнишка был симпатичный, слов нет. Здесь девичье сердце чуть дрогнуло в первый раз, как бы – пробный и потому не очень уверенный, сомневающийся. И хотя, как мы с вами знаем, паренек этот был младше Ольги, ее необычайно поразило выражение мужественного безразличия на его лице (второй, более уверенный, сердечный толчок). Будучи женщиной, хотя и в подростковом еще возрасте,

¹ Системно-векторная психология разделяет врожденные психические качества человека на восемь различных видов, векторов. В зрительном векторе самое яркое ощущение от жизни связано с проявлениями эмоций. Именно зрительному человеку свойственно сопереживать, жалеть, плакать, сильно пугаться, искренне радоваться, любить каждый раз как последний раз. (Здесь и далее примечания автора.)

² Кто-то приписывает эту фразу Марку Твену, но точных сведений о том, что это именно он сказал, автор не нашел.

Ольга тут же для себя решила, что он наверняка в душе очень боится. Да и кто вообще, скажите, не боится операций, если резать будут тебя самого, а не кого-то другого? Никакой лапароскопии в те времена не существовало, все было по-честному – скальпелем по пузу, и чем разрез больше, тем удобнее хирургу. А что шов огромный останется на всю жизнь, так никто в те далекие и почти уже забытые времена этому значения не придавал. Как и стальным коронкам на зубах.

Но мальчик, хоть и боялся, держался очень достойно, пусть даже лицо его весьма благородно побледнело. Ну так тогда Оле показалось, или, что вероятнее, она себе это просто придумала – для красоты (третий толчок сердечной мышцы был заметно чувствительнее предыдущих). Она с детства была особой мечтательной и увлекающейся, с большой, можно даже смело сказать – необъятной фантазией. Из-за чего порой выслушивала мамины поучения о том, что надо смотреть на жизнь трезво, вместо того чтобы витать в придуманных мирах. Мама была, конечно, права по-своему – по-матерински. Но кто, скажите, в столь юные годы слушает мудрые советы мам и пап? В этом возрасте, именуемом переходным, поучения родителей кажутся такими далекими от современной жизни, в которой предки, будучи уже людьми явно престарелыми и отсталыми, конечно, ровно ничего не понимают. Ведь в их молодости все было иначе! Как именно – никто из молодых этим вопросом не задается, но иначе было точно.

Это заблуждение с неизбежностью пандемии безумия поражает каждое поколение молодежи, без единого исключения, и проходит, к сожалению, часто лишь тогда, когда что-то изменить уже сложно. А чаще всего – вообще невозможно. Отсюда и общеизвестное «Если бы молодость знала, если бы старость могла». Народ, в своих пословицах всегда очень глубокий и рассудительный, в реальной жизни умеет лишь изрекать эти мудрости с умным видом, но практически никогда ими не руководствуется. Сначала потому, что смысл их еще не доходит, потом потому, что дошел слишком поздно.

Парень между тем, казалось, Олю даже не замечал (как потом выяснилось, он вообще не помнил этой встречи, что она ему, в конце концов, на первый раз простила), весь был обращен внутрь себя, видимо, готовился к предстоящим нелегким испытаниям. И вот тут-то все и случилось!

Четвертый сердечный толчок был просто оглушительным, так что Оля словно бы оторвалась от земли и поплыла куда-то во внезапной тишине, не видя никого и ничего вокруг, кроме его мужественного бледного лица. Между нами, были там еще какие-то звезды и даже как бы Млечный путь, отраженный почему-то в водах океана, а не просто какого-то моря. Но это уже мы окончательно отнесем к девичьей разыгравшейся фантазии. Потому что Оле вдруг стало парня так жалко, так жалко, что даже слеза навернулась на глаза: ведь он был так красив и несчастен в этой своей мужественной борьбе с собственным страхом, в которой он явно побеждал!

Откровенно говоря, если бы в тот момент кто-нибудь описал Егору его собственные переживания и ощущения в таких выражениях, он бы, мягко выражаясь, очень сильно удивился. С его точки зрения, он просто тупо стоял и ждал, думая о том, что под общим наркозом, как обещал врач, он даже ничего не почувствует. Но мысли мужчин, даже подростков, с женской точки зрения порой настолько просты и примитивны, что не стоит их вообще принимать во внимание. Главное здесь не то, что там на самом деле чувствовал он, а что за него придумала она. Оно и было верным и правильным, это вам любая женщина подтвердит.

Ольге вдруг захотелось сказать парню что-то ободряющее или даже (о, Боже!) обнять его и нежно погладить по волосам, успокаивая и утешая, но, конечно, ничего подобного она делать не стала. Хотя привычное к подобным заскокам воображение уже несло ее галопом (нет, лучше – аллюром, так красивее) в страну девичьей мечты, подгоняемое пубертатной плетью молодого организма. Говоря проще: в своих мыслях она его обняла, погладила и утешила, получив за это его робкий поцелуй и полный восхищения взгляд.

В глупой реальности же их мамы, наговорившись и обменявшись всеми новостями, наконец, разошлись, и Ольга, взглянув последним туманным и уже наполовину влюбленным взором на героического подростка, которого, как она выяснила из разговора, звали Егором, ушла, увлекаемая родительницей, которая как-будто что-то учуяла и с подозрением на дочь посмотрела. И ночью был ей сон.

Это был, пожалуй, самый красивый из всех снов, которые она когда-либо видела. Что странно, он вовсе не походил на сон. Будто она просто перенеслась в какое-то место в совсем другой реальности, где все это было правдой и происходило на самом деле. В этом сне (или яви?) они вдвоем с Егором шли по тополиной аллее, пронизанной насквозь солнечными лучами, взявшись за руки, а вокруг не было ни души. Егор что-то весело рассказывал, а она хохотала, не сводя с него влюбленных глаз. В этом сне он был ее долгожданным принцем, о котором она когда-то в детстве мечтала, как и все девчонки. И пусть белого коня поблизости не наблюдалось, она точно знала, что он у него есть. Да и разве в конце дело? Ведь она давно не ребенок и в сказки не верит. Почти совсем.

А потом он ее очень красиво целовал, почему-то уже увлекая в головокружительном вальсе под музыку невидимого симфонического оркестра посреди огромного, украшенного яркими цветами и разноцветными лентами зала. А вокруг них, словно летний теплый снег, летал и кружился в вихре музыки тополиный пух, и голова ее так же кружилась от счастья вместе с этим летним снегом!

Проснулась Оля наутро полностью и окончательно влюбленной – так, как это бывает только в ранней юности, в пору первого чувства, которое одно только и есть любовь настоящая, истинная, единственная, безрассудная, сумасшедшая – такая, о которой слагают стихи, пишут книги, поют песни, снимают кино. И пусть мы, взрослые, знаем, что потом тоже случаются разные другие любви, но известно нам также и то, что они никогда не могут сравниться с той, первой, хотя бы просто потому, что они не первые и не имеют уже ни новизны, ни остроты чувств.

Страдала Оля от этой неразделенной и тайной любви, никому ничего не рассказывая (кроме своего дневника) целых три недели, прежде чем решилась открыться лучшей подруге. Может быть, вы уже и не помните, но эти сладостные страдания едва возникшего настоящего чувства так же прекрасны и дороги нам, как и первые поцелуи, и расстаться с ними так же трудно, как оторваться от любимых губ. Эти сладкие муки хочется длить и длить, разрывая себе сердце страстным желанием ответной любви и не решаясь сделать шаг в страхе услышать отказ. Пусть так, уж лучше неизвестность! Ведь пока этот шаг еще не сделан, есть надежда, вера, мечта и прекрасные сны. Но если после сделанного шага ты получаешь отказ, то жизнь на этом прекращается, ибо без любимого человека никак невозможно существовать, как вы не понимаете? Неужели вы этого уже совсем не помните?

Но момент, когда Оля больше не могла скрывать свои чувства и решилась узнать свою судьбу, проверить, что там, впереди – счастье или горе, жизнь или смерть, пан или пропал, – наконец, наступил. Неизвестность и мечты увлекательны и полны чувственности, но глупому сердцу все же хочется знать правду. И однажды на перемене она, наконец, решилась и рассказала все Ленке Герасимовой, с которой они с детства были вместе – в яслях сидели на соседних горшках, в школе десять лет за одной партой. Да и жили рядом, всего через три дома друг от друга. Ближе Ленки у Оли не было никого, и если она кому и могла открыться, то, конечно, только ей одной.

О, Ленка Герасимова – девушка боевая и не привыкшая тянуть кота за... скажем, хвост – поначалу удивилась такому необычному выбору подруги. Но потом, рассудив, что любовь зла, полюбишь и... восьмиклассника, тут же пообещала подруге все уладить и отправилась на

разведку. Пройдя пару раз мимо Ольгиного избранника и проведя полный и тщательный визуальный осмотр, Ленка, наконец, решила, что на самом деле все не так плохо, как ей представилось вначале. Мальчонка был высокий, смазливый и выглядел старше своих лет. А потому и подруга рядом с ним не будет смотреться как старшая сестра, и пара из них, пожалуй, получится вполне себе симпатичная. Успокоившись сама, уже увлеченная предстоящей интригой, сулившей отличное развлечение, Ленка пошла успокаивать подругу.

Вернувшись к Оле, ожидавшей ее со страхом и надеждой, она тут же изложила ей свой план, от которого та пришла в ужас, но, зная Ленку и ее опыт в подобных вопросах, покорно кивнула: была – не была, пусть вопрос жизни и смерти, наконец, прояснится. И чем быстрее, тем лучше. А там – будь что будет!

– Никуда он от тебя не денется, – между тем авторитетно вещала подруга. – Поверь мне, как только он тебя увидит, влюбится сразу, за уши потом будет не оттащить. Уж я-то в таких делах разбираюсь, ты меня знаешь!

Лена в их компании действительно считалась признанным экспертом в любовных вопросах. И хотя мальчиков, с которыми она гуляла, у нее было всего на одного больше, чем у Оли (три против двух), как-то так получилось, что Ленкин авторитет в этих делах признавали всегда и все. В смысле – и Оля, и третья их неразлучная подруга Лариса.

Впрочем, Герасимова, сделав таинственное лицо, не стала посвящать Ларису в тонкости вопроса, лишь скомандовала всем следовать за ней. Они и последовали, Лариса с нарастающим интересом и предчувствием интриги, Ольга с дрожащими коленями.

А вот и Егор идет, вероятно, в кабинет на урок. Их пути пересеклись ровно посередине коридора, где и произошел тот самый роковой разговор, о котором вы, дорогие читатели, уже знаете.

Вы-то его слышали, а Ольга нет. Она стояла, не в силах оторвать взгляд от Егора, если точнее – от его лба (чистого, без единого прыщика), за который зацепилась глазами, крепко стиснув челюсти и сосредоточив все свои усилия, во-первых, на том, чтобы зубы не клацали от страха, а во-вторых, на том, чтобы колени не дрожали и ноги не подкашивались. В ушах была вата, непонятно кем и когда туда засунутая, поэтому до Оли доносился лишь тихий звук разговора, смысла которого она совершенно не улавливала.

Поэтому, когда Ленка взяла ее под руку и, развернув, куда-то повела, она автоматически последовала за ней, словно какая-то ходячая кукла. Немного отойдя, Ленка обернулась и прошептала:

– Девочки, вы только посмотрите на него. Застыл, как столб, посреди коридора, вот умора!

И сама засмеялась первой. Вслед за ней, обернувшись, захихикала и Лариса. Ольга тоже обернулась, ничего в тумане не увидела, однако подруг своим нервным смехом автоматически поддержала. Выглядело это немного истерически, но то уже мелочи, не стоящие абсолютно никакого внимания. И только уже у самого входа в класс, немного придя в себя, Оля спросила:

– Что он сказал?

– Все о'кей, подруга, – весело ответила Ленка, – он твой с головы до пят. Когда я тебя обманывала?

И Олино сердце вновь куда-то провалилось, а перед глазами поплыли очень красивые разноцветные шары. Возможно, вы такие когда-нибудь видели.

Глава 3

И вот в начале седьмого вечера того же дня Егор с Кузьмой вошли в актовый зал школы – бывшей дореволюционной мужской гимназии.

Вован горячо и убедительно предлагал для храбрости купить бутылку «Агдама»³, он уже тогда пристрастился к этому благородному напитку, что, забегая вперед, его в конце концов и сгубило. До своих сорока лет Вован дотянул лишь благодаря собственной маме, неустанно принимавшей его сторону в любых обстоятельствах и ухаживавшей за ним до конца его жизни, хотя, например, своего мужа, Вовкиного батю, в которого он и пошел этой своей беззаветной любовью к алкоголю, она ровно за то же самое давным-давно выгнала. А ведь, между нами говоря, Вован уже годам к двадцати пяти далеко обошел собственного родителя в этой погоне за смертью. Но, вы же понимаете, одно дело – муж, а совсем другое – сын. Муж – человек практически посторонний и случайный в жизни женщины, а вот сын – это свое, родное, кровинушка. Так, потакая кровинушке, мама Вована его и похоронила, под конец уже полупарализованного и очень мало напоминающего того веселого мальчишку, который вместе с Егором заходил сейчас в актовый зал средней школы № 1 имени В. И. Ленина. Похоронила, так и не дождавшись ни невестки, ни внуков.

Конечно, женщины у нас всегда, а особенно в те застойные времена, были излишне самоуверенными и отчаянными, готовыми выйти замуж во что бы то ни стало. Каждая понимала, что все мужики козлы, но надеялась, что уж она-то своего козла выдрессирует как ей нужно. Но даже этим мечтам есть предел, который Вован перешел очень рано. В результате даже самые отчаянные и бесшабашные женщины не рискнули связать с ним свою жизнь узами Гименея. Но это все дела будущие и пока еще вилами по воде писанные.

От «Агдама» Егор, прикинув все за и против, отказался, твердо решив произвести на Ольгу – хотя бы для начала – исключительно положительное впечатление. Откуда в нем взялась эта так несвойственная ему, в общем-то, расчетливость, он и сам не понимал. Но решил и решил, правильно сделал.

Школа их, как было уже сказано, в девичестве была мужской гимназией, построенной еще до революции на средства какого-то там купца, имя которого в советское время не афишировалось. Однако купец, видимо, был человеком совсем не бедным, потому как актовый зал в построенной им гимназии был просто огромным, явно рассчитанным на шумные балы, а не на строгие пионерские линейки. Его закругленные сверху широкие окна возвышались на целых два этажа, каждый из которых высотой был не меньше пяти метров, а выше них были еще одни, меньшего размера, овальные, снаружи обрамленные красивой лепниной. А свисавшие с высоченного потолка большие стеклянные люстры с множеством вислолек в несколько рядов на вид ничем не уступали дворцовым. Сейчас таких залов не строят, в других школах их небольшого города, возведенных уже по советским проектам, не было ничего даже приблизительно похожего по размаху. Поэтому немногочисленные десятиклассники, привычно расположившиеся у стен, в зале этом почти терялись. Их и всего-то два класса было, большинство уходило из школы после восьмого – кто в техникум, кто в училище⁴.

Может быть, кто-то другой на его месте и побаивался бы наезда со стороны десятиклассников, но только не Егор. Его такая вероятность беспокоила лишь в самую последнюю и очень незначительную очередь. А, скорее всего, не волновала вовсе. Не тот, как говорится, случай. Пусть в 9-й класс идут и не одни ботаны, как считают некоторые его приятели, но все же глав-

³ В СССР – азербайджанский белый крепленый портвейн.

⁴ В описываемое время среднее образование в СССР было десятилетним. Минимальным (неоконченным средним) образованием было образование восьмилетнее.

ные школьные хулиганы отсеиваются после восьмого класса либо по собственному желанию (как правило), либо по желанию педсовета с директором. Ибо до восьмого класса школа обязана обучать всех, а вот в девятый уже есть возможность брать лишь самых успевающих и, главное, – послушных. Для остальных есть многочисленные советские техникумы, ПТУ⁵ и вечерние школы.

Нельзя сказать, чтобы Егор слыл отъявленным хулиганом, вовсе нет, да и двоечником он никогда не был. В плане учебы он относился, скорее, к твердым середнячкам. Да и то не потому, что ума не хватало, а потому, что учиться ему было откровенно лень – вхождение в подростковый возраст открыло перед парнем множество гораздо более интересных занятий. Но если Егору надо было поднять оценки, например, за четверть, он быстро и легко усваивал материал. Вот с поведением все обстояло несколько хуже: выше тройка ему практически никогда не ставили во все годы его обучения в школе. Просто любил он порой выпендриться на уроке, что никаким учителям никогда не нравится. Хотя, повторю, хулиганом его и учителя не считали, и сам он себя к ним не причислял.

Однако почти всем основным школьным и уличным лидерам молодежных компаний Егор был или приятелем, или просто знакомым, и при встречах они жали друг другу руки и справлялись, как жизнь. Были, конечно, и такие, которым он не нравился, но это уже дело житейское, для его возраста вполне себе нормальное. И десятиклассники, собравшиеся в зале, конечно, были в курсе такого положения, все же в одной школе учатся, да и городок у них небольшой. А потому Егор чувствовал себя уверенно в том смысле, что не боялся каких-то стычек с потенциальными конкурентами. Они, скорее всего, сами побоятся приставать к нему. Тут уж, как и везде, репутация, если она есть, играет за тебя.

К тому же он занимался боксом с четвертого класса. Не сказать, чтобы его сильно привлекал этот вид спорта, но так уж сложилось, что выбора у него, считай, не было. Ему, например, гораздо больше нравилась спортивная гимнастика, в секцию которой во Дворце пионеров он ходил с первого по третий класс, а в четвертом вдруг стал усиленно расти, и уже тогда стало понятно, что вымахает он высоким. Поэтому тренер его из секции попер, посоветовав записаться на волейбол. В гимнастике с его габаритам делать было совершенно нечего, там все малорослые. Но и в волейбол ему играть не хотелось.

Увидев такое дело и воспользовавшись подвернувшимся случаем, отец Егора, большой поклонник бокса, быстро подсуетился и подарил сыну на день рождения две пары боксерских перчаток – тренировочные и боевые, боксерские лапы для отработки ударов вдвоем и, конечно, грушу, которую он сразу же и повесил у Егора в комнате, предварительно набив ее песком. А тут и дядька, двоюродный брат отца, подкатил, видимо, у них с батей договоренность на этот счет имелась. А дядька у него был не абы кто – мастер спорта по боксу и тренер секции в клубе имени Ленина (что, между нами говоря, Егор активно использовал для поднятия собственного авторитета – кто захочет связываться с племянником такого дяди?).

В общем, Егора Соколова, считай, никто и не спрашивал, да он и сам не особо сопротивлялся, все же навыки боксера являются одним из лучших аргументов в пацанских стычках. А драки район на район, улица на улицу – это будни мальчишек семидесятых годов двадцатого века. В общем, как и большинству его сверстников, драться Егору приходилось нередко, можно даже сказать – частенько, и не только на ринге. Удар у него был поставлен неплохо, дядя постарался, особенно ловко получался апперкот – снизу вверх, гарантированно разбивал сразу и губы, и нос противника, заливая его грудь кровью. Тренер часто ставил своего племянника в пример по части отработки чистоты удара. Первый взрослый разряд Егор получил еще год назад, но вот дальше делать карьеру в боксе он не собирался. Давно понял свои границы в этом

⁵ Профессионально-техническое училище.

виде спорта: может, мастера он и заработает, поднапрягшись, но чемпионом не будет никогда. А раз так, то какой смысл пыжиться?

Однако, несмотря на все вышеперечисленное, Егор откровенно робел, входя в актальный зал. Но боялся он не стоявших вдоль стен старших парней, а Ольгу. Она ему очень понравилась, и это добавляло ему какого-то даже мистического страха. В том смысле, что, если трезво рассудить, то бояться-то и нечего, а вот однако ж!

Несмотря на свою привлекательную для многих девчонок внешность, Егор вовсе не был ни Дон Жуаном, ни Казановой. Как нам уже известно, до этого дня он гулял с несколькими девочками, в основном – ровесницами. Само собой, были и поцелуи в темных углах, и обжиганцы. Дальше этого дело, правда, не доходило, но какие его годы! Как сказал поэт, «надежды юношей питают». В общем, кое-какой опыт у него был, и он бы, может, не повелся на данное приглашение (а может, и повелся бы – это же сразу поднимало его статус не только в собственных глазах, перед собой-то что лукавить?), будь это какая-то другая старшекласница, а не она. Нет, не так – ОНА. Вся его внешняя показушность, понты, рассчитанные на публику, трещали по швам, стоило ему лишь посмотреть на Ольгу. Что для самого Егора вдруг оказалось полной неожиданностью, ведь никогда особо робким он с противоположным полом не был, обладая явно завышенным самомнением. Да и кто в его годы не думает о себе лучше, чем это есть на самом деле? Впрочем, и не в его годы тоже.

Несмотря на свою молодость, Егор хорошо понимал, что вот это приглашение на сегодняшний вечер в первый же день знакомства – это своего рода проверка для него со стороны троицы подружек. Так сказать, попытка взять на «слабо»: а дерзнешь ли ты, паренек, прийти туда, где все старше тебя, и как ты себя там поведешь?

Не знаю, думал он, кто из этой троицы такой хитрый, но ясно, что все три подружки будут внимательно наблюдать за ним в этой нестандартной ситуации – покажет ли он себя мужчиной и кавалером, или же жалким сопляком. Девчонки вообще любят подобные провокации, это у них в крови.

Но, несмотря на все свое понимание складывающейся ситуации, Егор никак не мог одолеть робость, овладевшую им еще на подходе к школе. А поэтому они с Кузьмой скромно встали в сторонке, поглядывая на немногих (двух) топчущихся в середине зала танцоров и не зная, что делать. Троица подружек зашептала, что-то обсуждая между собой. «Меня, – похолодел Егор, – это они мне сейчас кости перемывают».

Ансамбль между тем играл быстрый танец, под который в то время молодежь мужского пола в их провинциальном городке исполняла довольно вялые телодвижения. Модно было становиться в кружки по компаниям и топтаться на месте, навесив на лицо маску полного безразличия – дескать, мне все равно, так, зашел от нечего делать. Еще можно было для форсу одну руку засунуть в карман. Правда, это было сделать не так просто, поскольку по моде тогда на брюки клеш нашивались крохотные накладные карманы спереди, в которые можно было затолкать пачку сигарет или коробок спичек, но точно не руку. Зато был вариант зацепиться за карман большим пальцем, это даже круче смотрелось. Поза – полностью расслабленная, выражение лица – скучающее, движения – вялые. Короче, крутяк полнейший!

Девчонки, конечно, танцевали шустрее и энергичнее, да и личики у них были не в пример веселее. Но на то они и девчонки, правда? А серьезный пацан должен быть выше всего этого. Ну или, по крайней мере, всем своим видом демонстрировать отстраненность. Понятно же, что это девушки пришли для того, чтобы танцевать, парни явились исключительно ради девушек. Вы где-нибудь видели, чтобы танцевала компания из одних парней только ради собственного удовольствия? Вот и я не видел. Ни разу в моей советской юности никто в нашей пацанской компании не предложил вдруг: а че, парни, может, пойдём, оторвёмся, потанцуем от души? Такое предложение звучало бы дико и, согласитесь, крайне подозрительно. Зато компа-

ния одних девчонок вполне может весело отплясывать, прекрасно проводя время, и ни у кого это не вызовет никаких подозрений. Нравится им это почему-то.

Егор незаметно, как ему казалось, косился в сторону подружек, остановивших его этим утром в школьном коридоре. Он и раньше встречал эту троицу на переменах. Они всегда выделялись своим модным прикидом, умудряясь даже из школьной формы сделать что-то привлекательное: то свитерок из воротника платья моднячий выглянет, то какие-нибудь колготки с узорами, что в магазине не купишь. Похоже, эти три девушки были неформальными лидерами женской половины своего класса. Почти в каждом ученическом коллективе есть такие, как среди парней, так и среди девчонок, за которыми остальные признают некое, пусть даже негласное, первенство. И за их острый язык, которым они могут отбрызгать так, что хоть плачь (что с некоторыми одноклассницами порой и случается), и, чего уж там, за то, что они могут в крайнем, конечно, случае и за волосы оттаскать непокорных. Поэтому с ними все желают быть в хороших отношениях, особенно те, кто послабее духом и не имеет поддержки. Ведь если они выберут тебя в жертвы своих остроумий, пусть даже пальцем не тронут, все равно – хоть в другую школу переводись. А что вы хотели, школьные годы чудесные только старикам представляются счастливыми и безоблачными, ибо они уже давно подзабыли все свои детские проблемы и заботы, которые когда-то были для них очень важными и изрядно портили им жизнь.

Впрочем, насчет неформального статуса этой троицы Егор мог и ошибаться, но это вряд ли, все же восемь лет школьных коридоров – это опыт, основанный исключительно на практике. И его наметанный глаз редко подводил в таких вопросах. Думаю, это подтвердил бы не только он, но и любой школьник, понаблюдавший за тремя подружками какое-то время.

Вот и сейчас все три девчонки были в джинсе, и это в конце семидесятых в их захолустье тоже ясно указывало на вполне определенный статус. Все же джинсы у них мог позволить себе даже далеко не каждый взрослый, не то что школьник. У Егора, например, их не было. И у Вована тоже. И ни у кого в их классе. Вот в параллельном у знакомого джинсы имелись, но у него родители – какие-то шишки и бабушка – пенсионер союзного значения. И так было не только потому, что джинсы не продавали в магазинах, в этом как раз ничего странного. В магазинах много чего тогда не было – время всеобщего дефицита, но кому надо, находили все, что нужно. Те же джинсы, к примеру, можно было купить у фарцовщиков, вот только стоили они у них очень дорого – в районе двух сотен полноценных советских рубликов. И это при средней зарплате по стране в сто двадцать рэ! Поэтому джинсы в СССР того времени были мечтой каждого подростка, а любой обладатель шмотки из денима только одним этим фактом мгновенно поднимал свой престиж в глазах окружающих. Лишь во второй половине восьмидесятых с этим вопросом стало чуть получше.

Что ж, Егор не ошибся, эта троица – явные лидеры. Две девчонки в потертых по моде штанах, а Ольга в джинсовой юбке выше колена. Да, это был период уже уходящей моды на мини – хорошее время, красивое. По крайней мере, никто из друзей Егора против этой моды не имел абсолютно никаких возражений. Говорят, в Москве она уже совсем ушла, передав эстафету миди и макси, но у них здесь все было еще по-старому: длинные волосы у парней, брюки клеш и мини-юбки у девчонок... Невольно взгляд Егора задержался на стройных Олиных ножках, обтянутых черными колготками. Ничего так ножки, то, что надо! Титаническим усилием воли он заставил себя отвести взгляд в сторону, но глаза, жившие своей жизнью, снова соскальзывали туда, куда им так хотелось смотреть, стоило Егору чуть ослабить контроль. Не глядеть на красивые девичьи ножки для мужчины – это все равно, что не думать о желтой обезьяне из «Повести о Ходже Насреддине» Леонида Соловьева, перечитывая которую Егор неизменно хохотал до колик в животе.

Глава 4

В это же самое время в противоположной стороне зала Ленка с Лариской обсуждали выбор подруги, а сама Оля, делая вид, что ей все безразлично, поддерживала их ехидные смешки, стараясь не показывать, насколько сильно она этим Соколовым увлеклась. А она втюрилась, что называется, по пояс, как стало модно в последнее время в их среде говорить, вместо привычного ранее «по уши». Такое с Олей случилось впервые в жизни. Она, конечно, гуляла с парнями, многие на нее заглядывались, девушкой она была красивой и прекрасно понимала это. А потому пользовалась этим даром природы всю, зная где-то внутри, что бабий век недолог, и красота юности, как и сама молодость, не вернется больше никогда. Как говорила лучшая подруга Ленка Герасимова, надо от жизни брать все, пока мы молодые и красивые, потом будет поздно. И Оля была с ней полностью согласна. Она крутила романы и вертела самими парнями как хотела и могла, наслаждаясь их телячьей покорностью. Даже самые крутые из них, те, которых другие боялись, становились с ней шелковыми и выполняли все ее капризы. Это было приятно, ей нравилась такая игра, она тешила самолюбие и позволяла покрасоваться перед менее удачливыми подругами. С Ленкой у них было негласное соревнование: за кем больше парней будет волочиться. Та тоже была очень даже ничего, но при этом на язык гораздо язвительнее Оли, да и смелее, что следует все же признать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.